

А. И. Немировский

ЭТРУСКИ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСТОРИОГРАФИИ

СВЕДЕНИЯ античных авторов о древнейших обитателях Апеннинского полуострова долгое время служили единственным источником для исследований по истории и этнографии доримской Италии. Работы этрускологов XVIII — начала XIX в. основывались почти исключительно на данных античной традиции и представляли собой фактически ее пересказ¹. Первые попытки критического анализа сведений традиции об этрусках связаны с трудами Б. Нибура и К. О. Мюллера, созданными в то время, когда этруская археология и эпиграфика делали начальные шаги². По мере новых археологических открытий и определенных достижений в области интерпретации этрусских надписей отношение к традиции менялось в направлении большего признания ее исторической ценности. Даже в период расцвета гиперкритицизма в европейской науке посвященные этрускам главы в трудах Эд. Мейера, В. И. Модестова основывались на античной традиции, проверенной и дополненной археологическими и частично эпиграфическими данными³. В конце 30-х годов нашего века Дж. Бонамичи впервые собрал сведения античной традиции об этрусках, чем значительно облегчил их использование⁴.

Сведения античной традиции сохраняют свое значение и теперь, несмотря на падение их удельного веса в общей массе данных об этрусках. Археологические открытия, новые этрусские и латинские надписи оживляют каждый раз те или иные сведения древних авторов, раскрывая их новые аспекты. Все сказанное объясняет необходимость систематического исследования античной традиции об этрусках.

Древнейшие литературные свидетельства о доримской Италии принадлежат ее восточным соседям — грекам. «Одиссея», как это явствует из содержания эпической поэмы, отразила в художественно-мифологической форме исторические факты — плавания греков на Запад, их контакты, враждебные или дружественные, с местным населением и соперниками — финикийскими торговцами⁵. Обращаясь к «Одиссее», мы должны прежде

¹ Thomae Dempsteri de Etruria regali libri VII, Florentiae, 1723—1724; G. Micali, L'Italia avanti il dominio dei Romani, 1810.

² B. Niebur, Römische Geschichte, Bd I—III, ed. 2, B., 1811—1832; K. O. Müller, Die Etrusker, Bd I—II, ed. 2, Stuttgart, 1872.

³ Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd II, Stuttgart, 1912; В. И. Модестов, Введение в римскую историю, ч. II, СПб., 1904.

⁴ G. Buonamici, Fonti di storia etrusca tratte degli autori classici, Firenze, 1939.

⁵ A. Lesky, Homeros, RE, Supplbd. XI, 1968, стр. 799.

всего отметить отсутствие в ней упоминаний в качестве обитателей Италии народностей, хорошо известных последующим поколениям. В «Одиссее» мы не находим тирренов-этрусков, равно как и пеласгов, с которыми некоторые более поздние писатели ассоциируют тирренов. Пеласги известны автору «Одиссеи» лишь как обитатели Крита и союзники Трои (Od. XIX, 177 сл.). Нет в «Одиссее» и авсонов, с которыми также отождествляют пеласгов.

Отсутствию упоминаний об этрусках, пеласагах, авсонах можно дать двойное объяснение: первое — ограниченность этнографического и географического кругозора автора «Одиссеи»; второе — отсутствие на территории Италии тирренов и пеласгов во время создания «Одиссеи». Второе предположение в свете нынешнего состояния гомеровского вопроса представляется предпочтительным. Дешифровка линейного письма В позволила отнести основное историческое содержание гомеровских поэм не к XI—IX вв. до н. э., а к предшествующей эгейской эпохе⁶, тогда становится понятным, почему в гомеровском эпосе нет сведений об этрусках и пеласагах как обитателях Италии.

Впервые имя «тиррены» встречается в «Теогонии» Гесиода. В заключительных строках поэмы указывается, что царями «всех славных тирсененов» были «беспорочные и могущественные» Агрый и Латин, сыновья Одиссея и Кирки⁷. Это место получало в литературе различную интерпретацию. Начиная с К. Мюллера принято считать, что во времена Гесиода или автора процитированных строк, рассматриваемых другими исследователями как более поздняя вставка, западное побережье Италии севернее Кум ассоциировалось с именами «латин» и «тирсен»⁸.

Современный исследователь А. Альфельди идет далее, полагая, что упомянутые Гесиодом мифические персонажи Латин и Агрый — цари Лация, знакомые нам из римской легендарной традиции. Латин связан с городом Лавинием, а Агрый (дословно «дикий») никто иной, как известный римский анналистике Сильвий, основатель Альбы Лонги и фиктивной династии Сильвиев⁹. Из предполагаемого соответствия Агрия Сильвию А. Альфельди делает далеко идущие выводы: 1) местная легендарная традиция обогатила греческую литературу; 2) упоминание тирренов-этрусков вместе с царем латинов свидетельствует, что около 650 г. до н. э., когда были написаны соответствующие строки «Теогонии», этруски владели Лацием; 3) территория, занимаемая латинами, на юге граничила с Кампанией, так как Гесиод не упоминает племени вольсков; 4) поскольку Латин происходит у Гесиода от Одиссея и Кирки, последующее преобладание Энея над греческими героями — результат этрусской экспансии.

Вряд ли заключения А. Альфельди в должной мере обоснованы. Уже замечено, что отождествление греческого Агрия с латинским Сильвием ошибочно с лингвистической точки зрения¹⁰. Сильвий на греческом языке должно было звучать не ἄγρεϊος, а ἀλαῖος. Нет оснований полагать, что греки в то время могли быть знакомы с местными легендами о первых царях Лация или Тиррении. Имя одного из царей произведено от этнонима, имя второго царя — такая же фикция, как происхождение этрусских царей от Одиссея и Кирки. Из указания Гесиода можно лишь заключить, что в середине VII в. до н. э. тиррены обитали на западном побережье Италии, и, по представлениям греков, у них была царская власть.

⁶ Т. В. Блаватская, Ахейская Греция, М., 1966, стр. 10 сл.

⁷ Theog., 1013.

⁸ Müller, Die Etrusker, I, стр. 181.

⁹ A. Alföldi, Die troianische Urhahnen der Römer, Basel, 1951, стр. 24 сл.

¹⁰ E. Weinstock, JRS, 1959, стр. 170 сл.

К более позднему времени относится свидетельство о тирренах в одном из гомеровских гимнов. Это первое из многочисленных в античной литературе и эпиграфике сообщений о пиратстве тирренов¹¹. В данном случае объектом нападения тирренских пиратов становится сам бог Дионис, которому в конечном счете удается освободиться от разбойников и превратить их в дельфинов. Рассказ о чудесном спасении Диониса и посрамлении грозных пиратов должен быть датирован эпохой этрусской талассократии, т. е. VII—VI вв. до н. э., а не временем эллинизма, когда слово «тиррен» теряет связь с италийской народностью и становится синонимом пирата вообще¹². Может возникнуть вопрос, почему именно Дионис, а не какой-либо другой из олимпийских богов связывается с тирренами (тирсенами)? Не исключено, что этому способствовала народная этимология тирсенов от священного жезла Диониса — тирса, с помощью которого было совершено чудесное превращение на пиратском корабле.

Впервые в греческой литературе географическое и этнографическое описание Италии дано Гекатеем Милетским¹³. Судя по сохранившимся отрывкам его труда, обитателями Италии Гекатей считал тирренов, этотров и авсонов. Тирренов Гекатей упоминает в связи с островом Эфалия (Ильва), получившим имя от добываемого там железа¹⁴. Называя ряд городов тирренского побережья, в том числе известный впоследствии этрусский город Козу, Гекатей указывает, что это города этотров. Несомненно, что этотры — поэтическое название пеласгов, ибо Ойнотр, согласно Ферекиду¹⁵, происходил от сына Пеласга Ликаона. Таким образом, Гекатей не смешивал тирренов и пеласгов, считая оба эти народа древнейшими обитателями Италии.

В первой пифийской оде Пиндара, написанной в 470 г. до н. э., содержится сообщение о победе под Кумами сиракузского тирана Гиерона над флотом финикийцев и тирренов: «Да пребудут в усмирённых домах и финикиец, и тирренский клич, познавший при Кумах сокрушение, от которого стонали суда, познавши страсть от сиракузского укротителя»¹⁶.

О союзных отношениях между карфагенянами (под «финикийцами» Пиндара следует понимать карфагенян) и тирренами сообщают также Геродот и Аристотель: Геродот применительно к битве при Алалии (I, 163), Аристотель без указания на время (Pol. III, 5, 10). Что касается битвы у Кум, то свидетельство Пиндара о союзе карфагенян и этрусков является в античной традиции уникальным. находка в 1817 г. в руинах Олимпии бронзового шлема с надписью «Гиерон, сын Дейномена, и сиракузяне Зевсу (за победу) над тирренами у Кум», вызвала сомнение в существовании этрусско-карфагенского союза в годы, непосредственно предшествующие морскому сражению при Кумах¹⁷. Но шлем, дарованный Гиероном в Олимпию, мог действительно принадлежать тирренам, и поэтому в надписи не было необходимости оговаривать, что он из этрусско-карфагенских трофеев. находка тирренского шлема с указанной надписью, та-

¹¹ *Hom. Hym.* VI, 8—31. См. о похищении статуи Геры с острова Самоса (*Athen.*, XV, 12), о похищении женщин из Браурона и ограблении Афин (*Plut.*, *de Mul. Virt.*, 8; *aetia gr.* 24; *Eustaph.*, *Comm. Dion.* 591).

¹² Müller, *Die Etrusker*, т. I, стр. 174; Я. А. Ленцман, К вопросу об источниках эллинистического пиратства, ВДИ, 1963, № 4, стр. 222.

¹³ См. анализ данных Гекатея об Италии: В. Schulze, *De Hecateio Milesio fragmenti qui ad Italia meridionale spectantur*. Lpz., 1912.

¹⁴ FHG, I, Нес., 20—43.

¹⁵ FHG, I, Pher., 85.

¹⁶ *Pind.*, *Pith.* I, 71—73. Пер. М. Л. Гаспарова, ВДИ, 1973, № 3, стр. 260.

¹⁷ Н. Н. Залесский, Этрусски и Карфаген, «Древний мир», М., 1962, стр. 525. Автор аргументирует свой взгляд также ссылкой на Диодора (XI, 54), сообщающего о победе над одними тирренами и невозможности вмешательства Карфагена в италийские дела ввиду создания владений в Африке.

ким образом, не противоречит свидетельству Пиндара о победе Гиерона над объединенным этрусско-карфагенским флотом. Недавно был найден второй шлем из кумской добычи с посвящением сиракузского наварха Фиа-ла¹⁸. Это исключает всякие сомнения в правильности вышеизложенной трактовки.

Исключительно важное место в греческой традиции об этрусках принадлежит Геродоту. В последней части обширного раздела, посвященного малоазийскому государству Лидии, отец истории излагает предание о переселении части лидийского народа в Италию: «О себе они рассказывают так: в царствование Атиса, сына Мана, была большая нужда в хлебе по всей Лидии. Вначале лидяне терпеливо сносили голод, потом, когда голод не прекращался, они стали измышлять средства против него, причем каждый придумывал свое особое. Тогда-то, говорят они, и были изобретены игры в кубы, в кости, в мячи и другие, кроме шахматной игры; изобретения шахмат лидяне себе не приписывают. Изобретения эти служили для них средством против голода: один день они играли непрерывно, чтобы не думать о пище, на другой день ели и оставляли игру. Таким способом они жили восемнадцать лет. Однако голод не только не ослабевал, но все усиливался; тогда царь разделил весь народ на две части и бросил жребий с тем, чтобы одной из них остаться на родине, а другой выслиться; царем той части, которая по жребию оставалась на месте, он назначил себя, а над выселившейся поставил сына своего по имени Тиррен. Те из них, которым выпал жребий выслиться, отправились в Смирну, соорудили там суда, положили на них нужные им предметы и отплыли отыскивать себе пропитание и местожительство. Миновав многие народы, они прибыли, наконец, к омбрикам, где основали города и живут до настоящего времени. Вместо лидян они стали называться по имени сына того царя, который заставил их выслиться. Имя его они присвоили себе и названы были тирренами»¹⁹.

Уже датировка переселения в Италию годами правления Атиса, представителя древнейшей династии лидийских царей²⁰, показывает, что мы имеем дело не с историческим свидетельством, восходящим к письменным памятникам, а с устным преданием. Ссылка на источник информации («они рассказывают») подкрепляет эту уверенность. О том же говоря чисто повеллистические детали: голод, продолжавшийся 18 лет, игры с целью его заглушения и т. д.

При таком отношении к цитированному отрывку исключаются крайности, господствующие в современной науке. Было бы ошибочным вслед за Л. Парети считать, что Геродот излагает «ученую басню ионийских логографов, исходивших из сходства этнонима „тиррены“ с названием лидийского города Торребос»²¹. Но шатка и позиция тех, кто подходит к рассказу Геродота как к историческому свидетельству и признает реальной каждую его деталь. Должна быть признана несостоятельной попытка английского этрусколога Г. Хенкина подтвердить ссылкой на восточные источники Геродоту мотивировку переселения лидийцев — голод²². С сообщением Геродота Хенкин сопоставляет упоминание египетских аналогов об отправке фараоном Мернепта (около 1232—1229 гг. до н. э.) транспорта зерна хеттам. Указанный факт не имеет никакого отношения к истории Лидии, а датировка переселения этрусков концом II тыс. на-

¹⁸ BCH, LXXIV, 1948, стр. 724; M. Pallottino, *La Sicilia e gli Etruschi*, «Kokalos». XIV—XV, 1968—1969, стр. 342.

¹⁹ Herod., I, 94. Пер. Ф. Г. Мищенко, М., 1885.

²⁰ Herod., I, 7.

²¹ L. Parati, *Le origini etrusche*, Firenze, 1926.

²² H. Hencken, *Tarquinia and Etruscan origins*, L., 1968, стр. 153.

ходит противоречие не только в молчании Гомера о тирсенах в Италии, но и в отсутствии каких-либо археологических данных об этрусках во II тыс. до н. э.

Если характер находившейся в распоряжении Геродота информации не вызывает сомнений, то вопрос о ее происхождении совсем не так ясен, как это может показаться на первый взгляд. Принято считать, что рассказ о переселении части лидийского народа в Италию Геродот воспринял от эллинизованных лидийцев, в среде которых он вращался еще в юные годы в Галикарнасе²³. Однако это предание не было известно лидийскому историку Ксанфу, изложившему историю лидийского народа в том же V в. до н. э. (Dionys., I, 27). Судя по сохранившимся отрывкам труда Ксанфа, последний уделял преданиям исключительное внимание²⁴. Трудно себе представить, чтобы Ксанф опустил в своем изложении столь интересную и важную легенду, если она имела хождение среди соотечественников. Остается высказать предположение, что информаторами Геродота были не малоазийские лидийцы, а те, кто считал себя их родственниками — тирсены²⁵. С ними Геродот мог встретиться, находясь в Южной Италии как колонист афинского поселения Фурий. В пользу этого предположения говорят некоторые детали самого рассказа, имеющие параллели с распространенной в этрусской среде троянской легендой. Обращает на себя внимание, что в предсказании Анхиза, которым руководствовался его благочестивый сын при выборе места для поселения, также фигурирует голланд²⁶. Немаловажным обстоятельством при сближении рассказа Геродота с преданием о переселении троянцев служит и то, что события в обоих случаях относятся ко времени падения Трои.

Дальнейшие сведения Геродота об этрусках вкраплены в рассказ о колонизации фокейцев, характеризующихся как открыватели Адриатики, Тирсении, Иберии и Тартесса (I, 163). Рассказывая о повторной колонизации острова Кирна (Корсики) выходцами из Фокеи, Геродот сообщает об их столкновении с тирсенами и карфагенянами: «По прибытии в Кирну фокейцы пять лет жили там вместе с прежними поселенцами и воздвигли святилища богам. Так как они стали (потом) разорять окрестность и грабить жителей, то тирсены и карфагеняне, заключив союз, пошли на них войной (те и другие на шестидесяти кораблях). Фокейцы также посадили своих людей на корабли числом 60 и поплыли навстречу врагам в так называемое Сардонское море. В морской битве фокейцы одержали нечто вроде Кадмейской победы: 40 кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были сбиты носы. После этого фокейцы возвратились в Алалию»²⁷.

Мотивировка столкновения фокейцев с этрусками и карфагенянами в изложении Геродота — это грабеж соседей. Под последними следует, очевидно, понимать не местных жителей, корсов, а тех же этрусков, которым принадлежала богатая железом Ильва и побережье Сардинии. Равным образом оказались затронутыми интересы Карфагена, имевшего, как это теперь известно, фактории на тирренском побережье Италии. Разгром под Алалией означал уход фокейцев из Корсики и начало ее освоения

²³ А. И. Д о в а т у р, Научный и повествовательный стиль Геродота, Л., 1957, стр. 83.

²⁴ Передавая легенды, Ксанф, как правило, не делал попыток их рационалистического толкования, какие мы замечаем у Гекатея и Геродота.

²⁵ Это предположение согласуется с концепцией о написании Геродотом труда во время его пребывания в Италии: А. В а u e r, Die Entstehung des Herodotischen Geschichtswerkes, Wien, 1874.

²⁶ V e r g., Aen. VII, 124—129.

²⁷ H e r o d., I, 166 (пер. Г. А. Стратановского).

этрусками. Об этом последнем факте свидетельствуют находки в 1972 г. на Корсике этрусских погребальных надписей.

О судьбе колонистов, поселившихся там ранее фокейцев, Геродот ничего не сообщает, зато он указывает о том, что случилось с фокейцами, попавшими в плен: «Что до людей с погибших кораблей, то по крайней мере большую часть их захватили в плен карфагеняне и тирсены и, высадившись на сушу, побили камнями. С тех пор у агиллейцев все живые существа — будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев, — становились увечными калеками или паралитиками. Тогда агиллейцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление, Пифия повелела им делать то, что агиллейцы совершают и поныне: они приносят богатые жертвы фокейцам как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания»²⁸.

Агиллейцы, расплатившиеся за уничтожение беззащитных пленников, — это жители этрусского города Цере, носившего также название Агилла. На его территории совершилось преступление, что заставляет предполагать особую заинтересованность церитов в устранении соперников-фокейцев, равно как и их активное участие в битве под Алалией. Называя в качестве противника фокейцев и союзника карфагенян Цере, а не какой-либо другой из этрусских городов, Геродот, как мы можем думать, располагал весьма надежной информацией. Во всяком случае на территории этого города, в его порту Пирги, обнаружена серия этрусских и пунийских надписей, подтверждающая существование договорных отношений с Карфагеном, известных нам также и из литературных источников. Что касается проведения кулачных боев и бега колесниц, будто бы установленных по совету дельфийского оракула, то, насколько нам известно, они не составляют какой-то специфической особенности для Цере и, как показывают фрески, проводились также в Тарквиниях и других этрусских городах.

Много споров вызвала 57-я глава первой книги Геродота, где речь идет об языке пеласгов. Геродот сообщает, что те из современных ему пеласгов, которые живут севернее тирсенов Крестоны, некогда были соседями дорийцев и обитали в Фессалии, а также, что крестониаты и плакийцы говорят на языке, не похожем на язык соседей. Дионисий Галикарнасский, оспаривая пеласгическую теорию происхождения этрусков, излагал эту фразу Геродота. Но в его чтении вместо *Κρηστώνα* и *Κρηστωνίηται* — *Κρέτων* и *Κρωτωνίηται*. Крестона заменена Кротоном, под которым античные авторы всегда имели в виду этрусскую Кортону.

Существо вопроса в том, должны ли мы принимать исправление Дионисия Галикарнасского, внесенное им в текст Геродота. Известно, что вблизи горы Афон обитало фракийское племя крестонов, там же, по Фукидиду, жили пеласги. И если следовать за текстом Геродота, последний говорит не об обитателях Италии, а о пеласагах Балканского полуострова.

Многие исследователи вносили коррективы в рукописный текст Геродота. Под Крестоной понимал Кортону уже Б. Нибур²⁹. Наиболее решительно в пользу того, что Геродот писал об этрусской Кортоне выступил Эд. Мейер³⁰. Он считал бесспорным, что Геродоту неизвестны какие-либо иные тирсены, кроме живущих в Италии, и поэтому относил выражение «севернее тирсенов Кротоны» к району Тиррении. Принимая эту точку зрения, Эд. Мейер сближал Геродота с Геллаником, приверженцем пеласгической теории происхождения этрусков. Взгляд Эд. Мейера неприемлем

²⁸ Herod., I, 167. Пер. Г. А. Стратановского.

²⁹ Niebur, Römische Geschichte, I⁴, стр. 37, прим. 89.

³⁰ Meyer, Forschungen..., стр. 24 сл.

по ряду обстоятельств. Прежде всего он противоречит рукописному преданию. Замена фракийской Крестоны этрусской Кортоной отражает предпринятую Дионисием попытку интерпретации текста Геродота для опровержения пеласгической теории Гелланика. У нас нет каких-либо данных в пользу того, что жители этрусской Кортоны говорили на языке, отличном от языка соседей. В то же самое время упоминание наряду с Крестонной расположенного на Геллеспонте города Плакии не оставляет сомнений, что речь идет о городах, находящихся поблизости, а не отделенных морем. Таким образом, отпадает и тезис Эд. Мейера о том, что Геродоту известны одни лишь тирсены Италии. Было бы странным, если бы он не знал о тирсенах Эгейского бассейна, в то время как они известны Фукидиду, Эфору и авторам IV. в. до н. э.

Особая версия о происхождении этрусков была выдвинута Геллаником Лесбосским. Так же как Геродот, Гелланик связывает этрусков с обитателями Эгейского бассейна, но не с лидийцами, а пеласгами. По мнению Гелланика, пеласги, изгнанные эллинами в правление своего царя Нана, приплыли на кораблях к реке Спинету в Ионийском заливе и высадились на берег. Затем они продвинулись в глубь страны, захватили город Кротон (Кортону) и поселились в стране, которая получила название «Тиррения» по новому имени пеласгов — тиррены³¹. Трудно сказать, каким источниками пользовался Гелланик, выдвигая пеласгическую теорию происхождения этрусков. О том, что эта теория имела определенные основания, свидетельствует находка в конце прошлого века на острове Лемнос надписи, язык которой, по почти единодушному мнению исследователей, ближе всего к языку этрусков³².

Следующим по времени греческим историком, писавшим об этрусках, был сицилиец Антиох, сын Ксенофана. В своей истории Сицилии и Италии он, естественно, не мог обойти главных соперников греческих колонистов — карфагенян и этрусков. К Антиоху восходит свидетельство Павсания о морском сражении между тирренами и липарцами, закончившемся победой последних³³. Из сообщения явствует, что в случае необходимости тиррены могли без труда выставить 20 военных кораблей, но считали для себя позором вступить в сражение, обладая численным перевесом в кораблях.

Фукидид упоминает об этрусках в связи с рассказом о сицилийской экспедиции Афин. Ему известны тирсены Италии, оказавшие помощь Афинам в борьбе против Сиракуз³⁴. Возможно, к этому эпизоду относятся указание элогии из Тарквинии о преторе, впервые переправившем войско через море³⁵.

Политическому деятелю и поэту Критию тиррены были известны как поставщики золотых чаш и медных изделий³⁶. Это сохраненное Афинеем сообщение, очевидно, отрывок из элегии Крития, в которой прославляются изобретения отдельных городов. Речь, по-видимому, идет об итальянских тирренах, известных и другим авторам в роли искусных ремесленников, работавших по металлу.

³¹ Изложение у Дионисия Галикарнасского — I, 28.

³² K. P a u l y, Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos, Lpz., 1894; A. T r o m b e t t i, La lingua etrusca, Firenze, 1928, стр. 188 сл. М. Паллотино (см. M. P a l l o t t i n o, Die Etrusker, Frankfurt am Main, 1965, стр. 57) не поддерживает взгляда на родство этрусского языка и лемносского диалекта.

³³ F H G, I, Antiochi fr. 2.; ср. P a u s., X, 11, 5; X, 16, 4. Очевидно, к Антиоху восходит также рассказ Диодора о нападениях тирренских пиратов на обитателей Липар, которых они заставили установить у себя общинные порядки, — D i o d., V, 9.

³⁴ T h u c., VI, 88; 103; VII, 53, 54.

³⁵ Fr. della C o r t e, Su un elogium tarquiniense, SE, 24, 1955—1956, стр. 73.

³⁶ A t h e n., I, 28: Афиней упоминает также тирсенский кратер из золота.

В комедии Ферекрата примерно того же времени имелся такой диалог: А. — «Чьей работы этот канделябр?» Б. — «Этрусский». Афиней поясняет, что этруски были искусными изготовителями этих предметов ³⁷.

В связи с рассказом о греческой колонизации Сицилии историк IV в. до н. э. Эфор сохранил известие о пиратстве тирренов в сицилийских водах ³⁸. Оно отнесено ко времени, предшествовавшему основанию Наксоса (737 г. до н. э.). Э. Пайс высказал сомнение в возможности присутствия тирренов в сицилийских водах в столь раннее время, считая, что Эфор репроектирует ситуацию VI в. до н. э. ³⁹. Отсутствие в греческой традиции свидетельств о тирренах в VIII в. до н. э. еще не может служить доводом против их активности на море в этом веке. Археология позволяет рассматривать тирренов VIII в. до н. э. как реальность.

Благодаря Афинейю сохранилась обширная выдержка из исторического труда Феоомпа, характеризующая моральную распущенность этрусков и их пристрастие к роскоши: «Феоомп в XIII книге своей „Историй“ сообщает, что у тирренов женщины — общие, что они проявляют большую заботу о своем теле и что они часто появляются голыми с мужчинами или между собой. Потому что у них не позорно показываться голыми. Они обедают не только со своими мужьями, но с первыми попавшимися и удовлетворяют свою плоть. Они большие любительницы выпить и имеют красивую внешность. Тиррены воспитывают детей, появляющихся на свет, не зная, кто их отец. Эти дети ведут тот же образ жизни, что и их воспитатели, проводя большую часть времени в пьянстве и общении со всеми женщинами...» ⁴⁰.

Свидетельство писателя, считавшегося в древности «злоречивым», представляет определенный интерес, несмотря на явное преувеличение распущенности этрусков. Оно характеризует моральную свободу этрусской женщины, особенно разительную по сравнению с зависимым положением древних римлянок ⁴¹. Эта свобода, разумеется, не была пережитком матриархальных отношений, как это ошибочно считалось Бахофеном ⁴², а была результатом того паразитического образа жизни, который вела верхушка этрусского общества.

Осуществление Аристотелем грандиозного замысла по созданию истории политического устройства важнейших государств Средиземноморья заставило его обратиться также к обитателям Запада. «Тирренская политика» Аристотеля не сохранилась, равно как полторы сотни других произведений этого рода. Мы обладаем лишь незначительными выдержками со ссылками на Аристотеля и фрагментами «Тирренской политики» Гераклида, представляющей собой всего лишь переработку одноименного труда Аристотеля. Во всех этих фрагментах идет речь об обычаях тирренов-этрусков, чем-либо заинтересовавших поздних экспертов.

Афиней сделал выписку из «Тирренских законов» Аристотеля, касающуюся обыкновения этрусков совершать трапезу вместе с женами, лежа

³⁷ Athen, XV, 700.

³⁸ FHG, I, Eph., 52 = Strabo, VI, 2, 2.

³⁹ E. Pais, Storia di Roma, Torino, 1898, стр. 167 сл. Э. Пайс обвиняет Эфора в фальсификации на том основании, что тот в указанном отрывке стремится приписать афинянам участие в ранней колонизации Запада. Такова же точка зрения Викена: E. Wiken, Die Kunde der Hellenen von dem Lande und den Völkern der Apenninhalbinsel bis 300 v. Chr., Lund., 1937, стр. 78. М. Паллотино (Die Etrusker, стр. 69) считает пиратство этрусков в сицилийских водах в VIII в. до н. э. исторической реальностью.

⁴⁰ FHG, I, Theopompi, fr. 222.

⁴¹ J. Neugon, La vie quotidienne chez les étrusques, P., 1961, стр. 96.

⁴² Фр. Слотти на эпиграфическом материале доказал ошибочность мнения Бахофена о материнском счете родства у этрусков: Fr. Slotty, Zur Frage des Mutterrechtes bei den Etruskern, ArOr, XVIII, 1950, стр. 362.

под одним гиматием (Athen., I, 23d). Другой отрывок, сохраненный Поллуком, говорит об использовании этрусками музыки во время кулачных боев, бичевания рабов и приготовления пищи⁴³. Сообщение Плутарха, восходящее к Аристотелю, также касается наказания рабов под звуки труб⁴⁴.

Отрывки Гераклида, частично совпадающие со сведениями Аристотеля, кое в чем их дополняют. Гераклид сообщает: «Этруски занимаются многими ремеслами. Они обедают с женами, лежа под одним гиматием. Они дружески обращаются с посещающими их чужеземцами. Если кто не может оплатить долгов, за ним следуют слуги (οἱ παῖδες), неся в поругание ему пустой кошель»⁴⁵.

Даже эти незначительные отрывки позволяют понять, что Аристотеля интересовали не просто парадоксальные факты этрусского быта, но экономическая и социальная жизнь этрусков. Дважды фигурируют рабы, причем указывается на жестокое обращение с ними. Сообщение о занятии этрусков многими ремеслами находится вне всякой связи с рабами. И, надо думать, что Аристотель относил к ремесленникам самих этрусков, а не их невольников. Описавший в своей «Афинской политике» задолженность сельского населения Аттики Аристотель мог обратить внимание и на задолженность этрусков. В сохранившемся отрывке, однако, идет речь о неоплатных должниках из числа этрусской знати. Следствием задолженности для этой социальной категории был, очевидно, лишь публичный позор, но никак не лишение средств производства.

Разумеется, «Тирренская политика» должна была освещать и политическую историю этрусков, содержать систематический очерк государственного строя наподобие того, как это сделано в «Афинской политике». О том, что это так, можно судить по упоминанию тирренов в «Политике», обобщившей фактические данные «Политий». «Государство — говорит Аристотель, — не возникает ради заключения оборонительного и наступательного союза, в целях предотвращения возможности взаимных обид и не ради торгового обмена или услуг; иначе этрусски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами (συμβολα), должны были бы считаться гражданами одного государства. Правда, у них существует соглашение касательно ввоза и вывоза товаров, имеются договоры для предотвращения взаимных недоразумений и есть письменные постановления касательно оборонительного и наступательного союза, но для осуществления всего этого у них нет каких-либо общих магистратур»⁴⁶.

Исторический пример, необходимый автору для обоснования теоретического положения о государстве, раскрывает попутно систему договорных отношений между этрусками и карфагенянами. Наряду с торговыми договорами имелись политические соглашения о взаимной помощи. Из текста Аристотеля нельзя заключить, к какому времени относится создание этой договорной системы. Но используя сведения Геродота о совместных военных действиях карфагенян и этрусков, свидетельства Пиндара, текст договора между Римом и Карфагеном, а также упомянутые выше надписи из Пирг, можно прийти к выводу, что эта система действовала с середины VII в. до н. э. вплоть до времени Аристотеля.

⁴³ FHG, II, Arist. 246. Паллотино высказывает предположение, что, сообщая об обычае этрусков во время обеда возлгать с женами на одном ложе, Аристотель исходил из интерпретации этрусского саркофага (Die Etrusker, стр. 172).

⁴⁴ FHG, II, Arist., 247 — ссылка на «Историю» Аристотеля. Ср. FHG, I, Theophr., fr. 222; Tim., fr. 18.

⁴⁵ FHG, II, Heracl., 16.

⁴⁶ Arist., Pol. III, 5, 10.

Известностью в древности пользовался труд сицилийского историка Тимея из Тавромения (около 357—261 гг. до н. э.), содержащий не только историю Сицилии до 264 г. до н. э., но и историю Италии и Карфагена. Впервые в греческой историографии Тимей излагает легенду об основании Рима троянцами Энеем. Изложение этого мифа по Тимею дает Ликофрон⁴⁷. Как теперь выяснено, уже в VI в. до н. э. миф этот был популярен в этрусской среде⁴⁸. Этрусков (тирренов) Тимей считал выходцами из Азии и производил их имя от вождя Тиррена⁴⁹. Принимая тот же исходный пункт этрусской истории — переселение в Италию Тиррена, Тимей выдвигает иную побудительную причину: не голод, а соперничество с братом из-за власти. Надо думать, что это изменение версии вызвано не появлением каких-либо новых данных, а стремлением сгладить откровенную пожелтелость Геродотова рассказа о голоде.

Совместное изложение истории Сицилии, Италии и Карфагена давало возможность Тимею говорить об отношениях тирренов, эллинов и карфагенян, наиболее могущественных народов в Западном Средиземноморье. Согласно Тимею, этруски хотели основать колонию на необычайно плодородном острове в Атлантическом океане, но карфагеняне воспрепятствовали этому⁵⁰. Сообщение может быть датировано лишь приблизительно временем этрусской талассократии. К тому же Тимею восходит известие о дружеских связях сибаритов с тирренами и ионийцами — милетянами, в основе которых была страсть этих народов к роскоши⁵¹. Особая близость тирренов и сибаритов подтверждается косвенными данными. После уничтожения Сибариса в 510 г. до н. э. этруски теряют свои позиции в Мессинском проливе.

В эллинистической мифографии Геродотова версия лидийского происхождения этрусков контаминируется с пеласгической — Гелланика. По Антиклиду, под предводительством Тиррена, сына Атиса, были пеласги, населявшие область против Лемноса и Имброса⁵². С другой стороны, разрабатывается генеалогия, согласно которой Тиррен теряет связь с Атисом и превращается либо в сына Геракла и Омфалы⁵³, либо в сына мизийского героя Телефа, т. е. во внука Геракла⁵⁴. В последней версии, восходящей по крайней мере к IV в. до н. э., родиной итальянских тирренов становится Лидия⁵⁵.

Автор истории Аттики Филохор говорит о тирренах как об обитателях Афин и с глубокой древности разбойниках. Будто бы от их племенного названия произошло слово «тиран», сохранившее в устах афинских ораторов позднего времени первоначальный однозвучный смысл⁵⁶. По всей видимости, говоря о разбое тирренов в Эгейском море как явлении, известном с древности, автор намекал на более поздние пиратские действия их в итальянских водах.

В мифографическом произведении Аполлодора (II в. до н. э.) Тиррения и тиррены упомянуты в связи с десятым подвигом Геракла. Возвра-

⁴⁷ FHG, I, Timaei, fr. 13—15.

⁴⁸ Об этом свидетельствуют находки в Этрурии большого числа расписных сосудов с изображением Энея и терракотовых статуэток, представляющих Энея с Анхизом на плечах. Подробнее см. Alföldi, Latium and Rome..., стр. 86.

⁴⁹ FHG, I, Tim., fr. 19. Свидетельство сохранено Тертуллианом.

⁵⁰ Diod., V, 20, 4.

⁵¹ Athen., XII, 59b. Примечательно, что одна из сибариток носила имя Тирсенида: Jambli., Vita Pyth., 219.

⁵² Strabo, V, 2, 4.

⁵³ Ссылка на античных авторов см. Dionys., Arch. 1, 28.

⁵⁴ Lucophr., 1245.

⁵⁵ F. Schachermeyrer, Telephos und die Etrusker, «Wiener Studien», 47, 1929, стр. 154.

⁵⁶ FHG, II, Philoch., 5.

щаяся из Тартесса с быками Гериона, герой пересек Лигурию и Тиррению, а затем переправился в Сицилию. Близлежащая к острову область получила от одного из убежавших быков название Италии, ибо тирренцы называют быка «италус»⁵⁷. Таким образом, западная часть полуострова состояла, согласно Аполлодору, из Лигурии, Тиррении и Италии, названной по имени быка. То, что тиррены дали название части страны, и это название укрепилось, предполагает достаточно длительное их господство, распространявшееся вплоть до крайнего юга полуострова.

Древняя история Италии выходила за хронологические рамки труда Полибия. В то же самое время мы находим некоторые экскурсы в прошлое отдельных районов. Для Полибия тиррены — народ Италии, игравший до завоевания Италии римлянами весьма значительную роль. Помимо собственной Тиррении, начинающейся, согласно Полибию, с первого тирренского города Писы, тиррены некогда занимали долину реки По и Кампанию⁵⁸. Им пришлось столкнуться с кельтами, с завистью взиравшими на богатства страны. Кельты, по словам Полибия, издавна находились в торговых сношениях с тирренами. Сообщая о внезапном нападении огромного войска кельтов на северные владения тирренов и вытеснением последних, Полибий не указывает точной даты этого события. Но по контексту можно судить, что кельтское вторжение в Северную Италию значительно предшествовало нападению на Среднюю Италию и Рим. Наконец, Полибий сообщает об участии тирренов в походе кельтов против римлян.

Исключительное значение принадлежит приводимым в труде Полибия текстам договоров Рима и Карфагена⁵⁹. Первый договор относится к тому времени, когда Рим был под властью этрусской династии Тарквиниев. На этом основании представляется возможным использовать его текст в качестве иллюстрации к упоминаемым Аристотелем этрусско-карфагенским соглашениям⁶⁰.

Исторический труд продолжателя Полибия Посидония был богат этнографическим материалом. Наряду с описаниями кельтов, лигуров, иберов, финикийцев, ливийцев, египтян во второй книге содержался тирренский экскурс, достаточно полно переданный Диодором Сицилийским⁶¹: «Этруски, которые издревле отличались своей энергией, завоевали обширную территорию и основали множество городов. Они создали могущественный флот и были на протяжении длительного времени владыками морей, так что море, омывающее берега Италии, названо благодаря им „Тирренским“. Совершенствуя организацию своей сухопутной армии, они изобрели то, что мы называем трубой и что приносит очень большую пользу на войне. Благодаря им труба названа „тирренской“. Они ввели знаки отличия для полководцев, стоящих во главе, дав сидения из слоновой кости и тогу с пурпурной каймой. И в домах они изобрели перистиль, предотвращающий шум и дающий место толпе слуг. Большинство из этих нововведений было заимствовано римлянами, которые их усовершенствовали и ввели в обиход. Этруски развили письмо, знание природы и богов, и более, чем какой-либо другой народ, приобрели навык в наблюдении за молниями. Поэтому до настоящего времени они вызывают удивление

⁵⁷ *Apollod.*, II, 5, 10. Слово *ital* встречается в этрусских надписях, что подтверждает правильность версии Аполлодора и его источников. Согласно другой версии, *Italia* — гречизированная форма латинского *Vitelia* (страна телят).

⁵⁸ *Polub.*, II, 17. Разбор данных Полибия об этрусках см. Н. Н. Залесский, *Этруски в Северной Италии*, Л., 1959, стр. 15 сл.

⁵⁹ *Polub.*, III, 22.

⁶⁰ Залесский, *Этруски и Карфаген*, стр. 523.

⁶¹ *Diod.*, XIV, 113. Диодор не указывает своего источника. Он устанавливается из более краткого отрывка Афиней, содержащего ссылку на вторую книгу Посидония: *FHG*, III, *Posid.*, I.

у тех, которые стали господами мира и которые используют их для объяснения небесных знамений. Поскольку они обитают в стране, обильной плодами всякого рода и ее прилежно обрабатывают, они пользуются изобилием сельскохозяйственных продуктов, которых не только хватает на их содержание, но которое ведет к исключительной роскоши и изнеженности. Ибо они два раза в день накрывают пышные столы всем, что придает изысканность, готовят скатерти, вышитые цветами, множество серебряных сосудов. Они имеют в услужении большое количество рабов. Одни из них редкой красоты, другие — в одеждах, великолепие которых не соответствует рабскому положению. И у них слуги имеют особые помещения подобно свободным людям. В общем они лишились могущества, которым обладали в древности, и благодаря жизни в пирах и изнеживающих удовольствиях потеряли славу, которую их предки добыли в боях. Их изнеженности более всего способствовало качество их земли, которая все производит и отличается безграничным плодородием. Этрурия, расположенная главным образом на равнинах, которые разделяются холмами, возделанными в пологой части, на самом деле очень плодородна. И она умеренно влажна не только зимой, но и в летний период».

В отличие от авторов эпохи эллинизма Посидоний говорит об энергии и воинственности древних этрусков. Изнеженностью отличались, судя по отрывку, этруски позднего времени, в том числе современники историка. Касаясь причины изнеженности, Посидоний подчеркивает влияние благоприятных природных условий и климата. В применении к этрускам это новая идея. Детали воссоздаваемого Посидонием быта этрусков — скатерти, расшитые цветами, множество серебряных сосудов, богато одетые рабы — соответствуют свидетельствам иконографических источников. Это позволяет думать, что, описывая быт этрусков, Посидоний опирался на собственные наблюдения.

Необходимо рассмотреть те сведения Диодора Сицилийского, источники которых не поддаются точному установлению. В основе их могли быть произведения Эфора, Феопомпа, Тимея, но наряду с этим и труды римских анналистов.

Представляет интерес свидетельство Диодора о дани, налагавшейся этрусками на обитателей Корна (Корсика) ⁶². Ее предметами были смола, воск и мед. Но непосредственно вслед за этим сообщается о корсиканских рабах. Отсюда делают выводы, что и они поступали в виде дани ⁶³. Но правильное думать, что корсиканские рабы были добычей этрусских пиратов, господствовавших в водах Тирренского моря. Свидетельство должно быть отнесено к тому времени, когда Корсика еще не была колонизована этрусками или колонизация только началась.

Наиболее обстоятельны сведения Диодора о военных столкновениях этрусков с сиракузянами в V в. до н. э. Чтобы положить конец пиратству этрусков, сиракузяне организовали экспедицию на остров Эфалию (Ильва) и берега континентальной Этрурии. Но сиракузский наварх Фаилл, опустошив Эфалию, был затем подкуплен этрусками. Его преемник Апеллес, стоявший во главе флота из 60 триер, опустошил берега Этрурии и Корсики, подчинил богатую железом Эфалию и доставил на родину множество рабов и добычи ⁶⁴. Эти события датируются четвертым годом 81-й Олимпиады.

Рассказывая о правлении Тимолеонта, Диодор сообщает о появлении в Сиракузах флотилии из 12 триер во главе с тирренцем Постумием. Буду-

⁶² Di od., V, 13, 4.

⁶³ Л. А. Е л ь н и ц к и й, Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964, стр. 146.

⁶⁴ Di od., XI, 88.

чи обличен как пират, Постумий был казнен по приказу Тимолеонта⁶⁵. Обращено внимание на то, что у тиррена чисто латинское имя. На этом основании К. О. Мюллер пришел к выводу, что греки могли называть тирренами пиратов из других италийских государств⁶⁶.

В связи с рассказом о вторжении кельтов Диодор указывает, что этруски, обитавшие в Северной Италии, между Альпами и Апенниннами, по мнению одних, были выходцами из двенадцати городов Этрурии, по мнению других, — пеласгами, спасшимися от потопа Девкалиона. Таким образом, Диодору или его источнику были известны споры в отношении этнического происхождения обитателей Северной Италии. Согласно первому мнению, она была колонизована этрусками, согласно второму — задолго до этого пеласгами. Последнее мнение, как замечено Т. Моммзенем, восходит к пеласгической теории Гелланника. Источником этого отрывка мог быть Тимей⁶⁷.

Трудно рассчитывать на беспристрастное отношение современных исследователей к Дионисию Галикарнасскому, автору «Римской археологии», шесть глав которой посвящены этрускам. Выступление Дионисия в пользу автохтонности этрусков вызвало резко отрицательную реакцию многочисленных и влиятельных сторонников восточного происхождения. С другой стороны, у автохтонистов Дионисий Галикарнасский титулуется истинным зачинателем этрусской проблемы⁶⁸. Это — преувеличение. На самом деле, спор о происхождении этрусков возник задолго до Дионисия Галикарнасского. Но нельзя не признать, что только благодаря ему нам известно о пеласгической теории Гелланника и взглядах других древних авторов, занимавшихся этой проблемой.

Дионисий начинает с изложения легендарной, по его мнению, версии о переселении тирренов в Италию. Согласно его мнению, переселенцы получили имя предводителя Тиррена, лидийца и выходца из Меонии (I, 27, 2). Сторонниками этой версии Тиррен признавался потомком Зевса в пятом колене, сыном Аттиса и братом Лида. Нетрудно заметить, что эта версия несколько отличается от рассмотренной нами версии Геродота. Геродот ничего не сообщает о Меонии. У Геродота только один сын Аттиса — Тиррен. Дионисий же далее, с ссылкой на Геродота, указывает, что в стране остался Лид (а не Аттис), а Тиррен возглавил переселенцев. Таким образом, мы сталкиваемся с небрежностью Дионисия при изложении взглядов своих предшественников. Такая же небрежность — и рассмотренное нами выше чтение Кротон вместо Крестоны.

Излагая взгляды историков, живших после Геродота, Дионисий указывает, что их версии отличались лишь в деталях при определении характера поселения этрусков и его датировки (I, 28). Для одних Тиррен — сын Геракла и Омфалы, но также лидиец, как у Геродота. Эти же неизвестные нам авторы отмечали, что Тиррен вытеснил не умбров, как это считал Геродот, а пеласгов. Другие авторы, имен которых Дионисий также не указывает, объявили Тиррена сыном Телефа и отнесли его переселение в Италию ко времени, следующему после падения Трои.

Дионисий не считал нужным называть этих авторов, поскольку его отношение к лидийской версии в целом было отрицательным. Он, однако, делает ссылку на лидийского историка Ксанфа, которого считает важнейшим авторитетом по истории своего народа. В труде Ксанфа, подчеркивает Дионисий, ничего не говорится о Тиррене как предводителе лидийцев и ничего не сообщается о колонии меонийцев в Италии. Сыновьями Аттиса

⁶⁵ Diod., XVI, 82, 3.

⁶⁶ Müller, Die Etrusker, I, стр. 274.

⁶⁷ Th. Mommsen, Römische Forschungen..., B., 1964, стр. 265, 300.

⁶⁸ Pallottino, Die Etrusker, стр. 48.

были, согласно Ксанфу, не Лид и Тиррен, а Лид и Торреб, предки лидян и торребов, родственных народностей, отличавшихся по языку наподобие дорийцев и ионийцев.

Далее Дионисий излагает мнение некоего Мирсила, считавшего, что тиррены, покинув свою страну в ходе странствий были названы «пеларгами» (аистами) и что именно они построили стены в Афинах, которые получили название «Пеласгикон».

Что касается взглядов самого Дионисия, то они сводятся к тому, что пеласги и тирсены — это два совершенно различных народа. Отличны друг от друга также тирсены и лидийцы, говорящие на разных языках и имеющие различные обычаи и учреждения. При этом, подчеркивает Дионисий, тиррены все же ближе к пеласгам, чем к лидийцам. Все это позволяет ему высказать предположение, что тиррены — это местный и очень древний народ, не похожий на своих соседей ни по языку, ни по образу жизни (I, 30). Дионисий считает неосновательным мнение греческих авторов, производивших имя «тирронец» от обитания их в городах (Тир) или от имени их правителя, так как римляне называют этот же народ другим именем (этруски), а сами себя они именуют расена.

В рассмотренных нами главах (25—30) Дионисий занимается одним лишь вопросом происхождения этрусков. Но, как он указывает сам, «в другой книге я показал, как были основаны города тирренов, какие были установлены формы правления, какой огромной властью они обладали, какие они сделали замечательные изобретения и как им благоприятствовала судьба». В сохранившихся частях «Римских древностей» мы не находим этих данных, и естественно возникает предположение, что этому труду предшествовала особая книга об этрусках. В пользу этого мнения говорит также исключительная начитанность Дионисия в вопросе, имевшем косвенное отношение к теме его труда.

Помимо происхождения тирренов, Дионисий касается их отношений с соседями, быта, религии. Сохранный им материал неравноценен. Дионисий, единственный из античных авторов, сообщает о покорении Тарквинием Древним двенадцати городов Этрурии и о присвоении ему в связи с этим царских инсигний этрусков (III, 62). Мы обязаны Дионисию обстоятельным рассказом о войнах Рима с Порсеной, стремившимся восстановить этруское господство в Риме в Лации. При этом сообщается о результатах экспедиции Порсены — передаче вейентянам семи пагов и соляных варниц в устье Тибра (V, 31). Благодаря Дионисию известен важнейший, связанный с этруско-римским конфликтом факт — столкновение этрусков с Аристомедом Куманским (VII, 3, 1). Римская традиция хранит по этому поводу молчание.

Сообщая о римско-вейентской войне 480 г. до н. э., Дионисий говорит об использовании этрусской знатью пенестов на военной службе (IX, 5, 4). С этим может быть сопоставлено сообщение того же Дионисия о выступлении в составе этрусского войска умбров и давниев (VII, 3, 1). Это единственные в античной традиции места, позволяющие судить об этрусской клиентеле.

По обилию сведений об этрусках и их ценности труд греческого географа Страбона не уступает Дионисию Галикарнасскому. Мы имеем дело с систематическим описанием Этрурии, ее прибрежных островов, рек и озер, природных богатств, отдельных городов и, что особенно для нас важно, их экономического положения.

Как и в других случаях, Страбон указывает источник своей информации. Это прежде всего личные наблюдения. Географ посетил Популонию и на пути к ней видел заброшенные этрусские рудники. В этом же городе он наблюдал, как рабочие обрабатывают железную руду, привезенную

с острова Эфалии (Эльба). Находясь на берегу Тиррении, Страбон различил очертания Корсики и Сардинии, что дало ему основание говорить об ошибочности утверждения Эратосфена, будто острова не видны с материка.

В то же время Страбон черпал свои сведения об этрусках и пеласгах из произведений греческих и латинских авторов. Страбон упоминает в этрусском разделе книги: Гесиода, Антиклида, Эфора, Полибия, Посидония, Эратосфена. Но судя по характеру его данных, в распоряжении географа были также труды римских анналистов. Встречая в своих источниках неточности или упущения, Страбон считает своим долгом внести поправки. Вопреки утверждению Геродота об участии жителей Цере в истреблении беззащитных фокейских моряков, Страбон указывает, что «у греков этот город прославился мужеством и справедливостью его жителей. Действительно, они не только воздерживались от пиратства, хотя город был весьма могущественным, но даже посветили в Пифо так называемое „сокровище агиллийцев“» (V, 2, 3).

Страбону известны обе теории происхождения этрусков — лидийская и пеласгическая. Источником первой ему служит Геродот, хотя на него и нет ссылки. Рассказ Геродота о переселении части лидийцев в Италию и основании городов в землях умбров Страбон дополняет сообщением, что городов было двенадцать и устройтелем их был назначен Таркон, эпоним города Тарквиний⁶⁹. Таким образом, Тарквиний рассматриваются как исторический центр Этрурии.

«Находясь под властью одного правителя, — продолжает Страбон, — тиррены были весьма могущественными, но в позднейшие времена, как кажется, их объединение было уничтожено, и под давлением соседних народов они распались на отдельные города» (V, 2, 2 — перевод Стратановского). Дается, таким образом, следующая схема политической истории Этрурии, сначала объединение под властью одного лица, а затем распад федерации на отдельные города. Древнейшая история Этрурии излагается в духе политической теории времени Страбона. Страбон подчеркивает, что этруски не смогли бы добиться могущества на море и защищаться от нападения противников, если бы они не подчинялись одному правителю.

Страбон не избегает темы влияния этрусков на соседний Рим: «После основания Рима в Тиррению прибыл из Коринфа Демарат с большим числом людей. Жители Тарквиний приняли его, и он женится на местной женщине и имеет от нее сына Лукумона. Последний, став другом Анка Марция, царя римлян, воцарился после него под именем Луция Тарквиния Приска» (V, 2,1). Легенда о Демарате известна многим авторам и излагается ими даже более подробно, чем Страбоном. Но в сообщении Страбона интересна связь между этрусским титулом Лукумон и римским личным именем Луций.

Страбону известны примечательные факты истории этрусских городов. Он сообщает о неудачной попытке Порсены, царя Клузия, вернуть Тарквинию власть (V, 2,2) и что еще более важно, о городе Цере, который сохранил только следы бывшего величия (V, 2, 3). Страбон указывает, что древнее название города — Агилла и что он основан пеласгами, прибывшими из Фессалии. Тиррены осадили Агиллы, взяли их и дали городу другое название.

Писы, расположенные на границе между Тирренией и Лигурией, были, по данным Страбона, основаны писатами, жившими на Пелопоннесе

⁶⁹ Strabo, V, 2, 2. До Страбона о Тарконе писали Катон Старший в «Началах» и Вергилий (Aen. VIII, 506). Но сохраненное Страбоном свидетельство интересно восходящей к этрусскому фольклору детали — о рождении Таркона слепым.

и вместе с жителями Пилоса совершившими поход на Трою. (V, 2,5). Таким образом, благодаря Страбону, устанавливается связь легенды об основании этрусского города Писы с троянским циклом легенд. Страбон сообщает о нападениях пиратов Сардинии на территорию Писы и намекает на тирренское происхождение древнейших обитателей Сардинии (V, 2,7). В этой связи обращает на себя внимание сходство погребальных сооружений и памятников искусства этрусков и сардов.

Страбон подчеркивает, что из этрусских городов одна Популония была основана на самом берегу моря (V, 2,6). Факт этот объясняется тем, что в других местах побережья не было гаваней, а также господством в древние времена на море пиратов. Отсутствие гаваней на побережье Тиррени не согласуется с хорошо известной всем авторам, в том числе и Страбону, этрусской талассократии. Решение этого и других смежных вопросов дали археологические раскопки, осуществленные американскими учеными в 1970—1971 гг.⁷⁰ Оказалось, что за 2500 лет, прошедших со времени этрусской талассократии, уровень Тирренского моря понизился, и некоторые лагуны, имевшие выход к морю, стали солеными озерами. Так, в озеро превратилась лагуна Орбетелло, когда-то соединявшая с морем этрусский город Козу. Рузеллы имели сообщение с морем посредством лагуны, отодвинувшейся ныне в глубь страны на 20 км. Некоторые этрусские города связывались с морем посредством судоходных рек, ныне ставших ручейками.

Все сказанное позволяет внести существенную поправку в картину, нарисованную Страбоном. У моря находился не один этрусский город Популония, а большинство этрусских центров. Те же города, которые ее имели связи с морем посредством лагун и рек, обладали портами и гаванями подобно Афинам, Коринфу и другим древним полисам Балканского полуострова. Одновременно отпадает и данное Страбоном объяснение выбора мест для этрусских городов. Страх перед нападениями с моря не мог играть какой-либо роли. Тирренское побережье, считавшееся, по представлениям римлян, мало изрезанным, представляло большие выгоды для мореплавания и торговли.

Определенный интерес представляют сведения Страбона о природных богатствах территории, населенной в древности этрусками, а также прибрежных вод Тиррени. Так, сообщается, что в высоких горах, окружавших Луну, было много каменоломен белого и голубовато-серого мрамора (V, 2, 5); что каменоломни имелись и вблизи Пис (V, 2,5), что окрестности этого города славились в древности корабельным лесом (там же); что в Популонии обрабатывают руду с Эфалии (Ильва) (V, 2,6); что вдоль берегов Тиррени проплывают тунцы, и в некоторых местах побережья расположены пункты для наблюдения за их ходом (V, 2, 8); что из Тиррени сплавляют лес, идущий на постройку домов (V, 2,5); что озера и Перузии богаты болотной птицей и рыбой, а целебные источники Тиррени не уступают знаменитым Байским (V, 2, 9).

Данные Страбона важны для изучения этрусской колонизации. Ему известно, что жители Фалерий не тиррены, а племя фалисков с особым языком (V, 2, 9). Рассматривая географию Паданской области, Страбон указывает на проникновение в эту область тирренов и их соперничество с умбрами (V, 1, 10). Интересное сообщение Страбона о соперничестве тирренов и умбров за обладание Паданской областью в значительной степени обесценивается тем, что Страбон не указывает ни времени, когда

⁷⁰ J. Bruno, The Mystery of the Etruscan Coastline, «Archeology», 1973, 26, № 3, стр. 198—212.

происходило соперничество, ни народа, изгнавшего тирренов из Северной Италии.

Касаясь древнейшей истории городов Адриатики, Страбон сообщает о некогда славном греческом городе Равенне. Его жители, не будучи в силах вынести притеснений тирренов, призвали на помощь умбров (V, 1, 7). Упомянув Спину, Страбон также называет ее греческим городом (V, 1, 7), а от имени города Атрия производит название Адриатического моря (V, 1, 8).

Страбон является важнейшим источником в вопросе об этруском владычестве в Кампании. По его словам, «тирренцы основали там двадцать городов, и один из них, как бы главу их, назвали Капуей». Но роскошь тирренцев послужила причиной их изнеженности, поэтому подобно тому как они потеряли область вокруг Пада, им пришлось уступить и эту страну самнитам, которых вытеснили оттуда римляне» (V, 4,3). Археологические данные давно уже сделали несомненным присутствие этрусков в Капуе, Калесе, Помпеях. Найденные в последнее время этруские архаические надписи из Понтеканьяно свидетельствуют о том же⁷¹. Однако сообщение Страбона о вытеснении этрусков самнитами не согласуется с данными других источников о длительной борьбе, которую этруски вели с греками, и с хронологией самнитского вторжения.

Рассказ Страбона о Кампании позволяет также сделать некоторые предположения о тирренских традициях в этой области. Страбон рассказывает о дедовском обычае проведения подземных ходов, воспринятом во времена Августа Кокцеем. Этот Кокцей прорубил подземный ход от Аверна до Кум (V, 4,5). Обычай приписывается загадочным киммерийцам. Но практика подобных сооружений в собственно Этрурии дает возможность полагать, что речь идет об этруском обычае.

Согласно Страбону, до основания Мессены, Тавромения, Катаны, Сиракуз тиррены господствовали в омывающих Италию морях, так что греки не решались прибыть с торговыми целями (VI, 2, 2). Около 494 г. до н. э. Анаксилай, тиран Регия, укрепил перешеек против тирренов, построил якорную стоянку и воспрепятствовал проходу пиратов через пролив (VI, 1,5). С тирренами вели борьбу жители Липары (колонии киндян), называвшейся прежде Мелигунитидой. Страбон ошибочно называет критян наследниками тирренских морских пиратов (X, 4, 9).

Страбон не был последним греческим автором, писавшим об этрусках. Но на нем обрывается оригинальная греческая традиция. Все, что сообщали об этрусках более поздние греческие авторы, такие, как Плутарх, Аппиан, Дион, Кассий, Афиней и другие, было в преобладающей своей части пересказом материала, содержащегося в трудах греческих писателей эллинистическо-римской эпохи римских авторов.

Обилие рассмотренных нами сведений о тирренах-этрusках в греческой традиции не должно создавать преувеличенного представления об их ценности. Мы имеем дело со сравнительно узким кругом проблем, отражающим определенный круг интересов греческих авторов. Это проблема происхождения этрусков, их оригинального быта, пиратства и торговли. Такие вопросы, как социальная организация, правовые отношения, религия и искусство древних этрусков не привлекли внимание греческих авторов. Это объясняется, по всей видимости, как нежеланием вникнуть в историю соперников, так и отсутствием в период создания наиболее значительных трудов прямых контактов греков с этрусками. Авторы, жившие в период упадка этруских городов-государств, за редким исключением, не ставили целью собрать то, что было доступно для изучения. Как правило, они

⁷¹ Pallottino, La Sicilia e gli Etruschi, стр. 340.

вращались вокруг одних и тех же вопросов, затронутых их предшественниками. Латиноязычные историки и антиквары конца республики — начала империи обладали, как нам представляется, более ценными сведениями, непосредственно восходящими к этрусской традиции или основанными на изучении сходных явлений и процессов в римском обществе. В то же самое время поставленные греческими историками проблемы на много столетий опередили направленность этрускологии как в древности, так и в новое время.

THE ETRUSCANS IN GREEK LITERATURE AND HISTORIOGRAPHY

A. I. Nemirovsky

References to the Tyrrhenians scattered through the works of Greek authors constitute one of the oldest species of source material on the epoch of the independent Etruscan city-states. The historical value of this evidence becomes more apparent as new archaeological discoveries are made and the interpretation of Etruscan inscriptions progresses. In the process of colonising the West the Greeks came into contact with the Etruscans and this found reflection in the works of Hesiod, Pindar, Hecataeus of Miletus and Hellanicus of Lesbos. The idea of the Lydian origin of the Tyrrhenians, presented by Herodotus, apparently came not from Lydian legend but from tales told by the Etruscans themselves, with whom Herodotus became acquainted at the time of his visit to Italy. The stories, widespread in the ancient tradition, about Etruscan luxury go back to Sicilian historians of the 5th and 4th centuries and to Ephorus and Theopompus. In his «Tyrrhenian Constitution» Aristotle was concerned less with this extraordinary feature of Etruscan life than with Etruscan political institutions. The Greek authors generally paid little attention to such topics as the social structure, law, religion and art of the Etruscans for two reasons: lack of interest in the history of their competitors and the absence of direct contacts with the Etruscans in the period when Greek historiography was most flourishing. With rare exceptions, the Greek authors writing at the time of the decline of the Etruscan city-states were not interested in studying the available data on this subject. The Roman historians and antiquarians of the late Republic and early Empire possessed more valuable information, either directly from Etruscan traditions or based on the study of similar phenomena and processes in Roman society.
